

ОЧЕРКИ ПАМЯТНИКОВ НОВГОРОДСКОЙ СФРАГИСТИКИ

Печати Великого Новгорода

Использованию сфрагистического материала в качестве исторического, в широком смысле слова, источника мешает его недостаточная изученность. Жалобы на неизвестность и неразработанность памятников типичны для нашей сфрагистической литературы на всем ее пути — от первых публикаций до последних исследовательских работ.

„В то время, как разработка исторических материалов продолжается с неутомимым рвением, и отечественная история, можно сказать, стала уже на твердом основании собранных в обилии и очищенных тщательной критикой данных; русской сфрагистике, т. е. науке о печатях, едва положено только первое основание, и наши источники для истории печатей остаются почти нетронутые, и наши источники для истории печатей остаются почти нетронутые, ожидая трудолюбивой и искусной руки, чтобы собрать и привести в систему те материалы, которые, уцелев от истребительного времени, скрываются в государственных и частных архивах и музеумах“ — писал составитель первого сборника снимков с древних русских печатей.¹

В работе, вышедшей через три четверти века, положение характеризуется теми же чертами: „более четверти века тому назад мне пришлось высказать убеждение, что русская сфрагистика мало разработана и выводы в ней следует делать с особенной осторожностью. Такое положение почти не изменилось и до настоящего времени“.²

Количество дошедшего до нас древнерусского сфрагистического материала, как теперь совершенно ясно, очень велико. Нельзя не пожалеть, что он публиковался лишь в незначительной доле; что воспроизведения памятников давались часто несовершенной техникой; что при многочисленных публикациях архивных документов описания печатей делались, за редкими исключениями,

¹ Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Моск. Архиве М-ва Юстиции. Составлен П. Ивановым. М. 1858.

² Академия Наук СССР. Труды Музея палеографии. I. Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1-й Л. 1928

неполно и неточно; что, наконец, ни одна из попыток научного издания свода печатей не была осуществлена.

Новгородский Исторический Музей обладает одним из самых больших местных собраний печатей.¹ Научное значение его обуславливается не только большим количеством памятников, притом объединенных местом находки, но и тем обстоятельством, что этим местом является Новгород.

Предметом настоящего очерка являются главным образом печати новгородского собрания. Однако, наряду с ними привлекаются и материалы других собраний.

Среди памятников новгородской сфрагистики особую и значительную группу составляют *печати Великого Новгорода*.

Несмотря на неясность вопросов аутентикации новгородских юридических документов, совершенно очевидно, что под формулами печатей „Новгородская“, „всего Новгорода“, „Великого Новгорода“ разумеется не город Новгород, как таковой, а Новгородская феодальная республика. Не город заключает договоры с князьями, не город жалует земли, дает привилегии Соловецкому, Троицкому монастырям, а вече, орган государственной новгородской власти, лишь территориально приуроченный к главному городу.²

Но печати „новгородские“, скреплявшие новгородские государственные документы, не могут быть сочтены и вечевыми в собственном смысле слова. В отношении периода феодальной раздробленности пока невозможно говорить о печатях учреждений, за исключением разве монастырей. Владельцами свинцовых („свинчатых“) печатей, заменявших подписи, были должностные лица.

„Новгородскую“ печать подвешивали в период самостоятельности Новгорода, очевидно, посадники и тысяцкие. Те и другие имели, кроме того, отдельно свои должностные, а позднее и личные печати.

Отдельные экземпляры „печатей Великого Новгорода“ издавались в разное время и в разной связи становились предметом исследования. Но исследователей занимала, главным образом, их эмблематика, как материал для нумизматических и геральдических построений.³

¹ Число вислых свинцовых печатей Н. И. М. достигает до двухсот. Мы надеемся опубликовать собрание.

² Ср. Б. Д. Греков, Земледелец и землевладелец в Пскове XV в. „Проблемы истории докапиталистических обществ“, 1934, № 5, стр. 60.

³ А. Лакиер, Русская геральдика. СПб. 1855. М. Толстой, Святыни и древности Великого Новгорода. М. 1862 (приложение V. О новгородских гербах). А. Орешников, Материалы к русской сфрагистике. М. 1903. (Оттиск из III г. Трудов Моск. Нумизматич. Общества). М. Полянский, Новгородские вислые печати князя, владычные, посадничьи, наместничьи, воевод и тысяцких. (Оттиск из газ. „Волх. Листок“, 1903, № 93 и 94); он же. Новгородская памятка для туристов. Н., 1907. П. Гусев, Символы власти в Великом Новгороде. СПб., 1911 г.

В деле изучения новгородских печатей, как и всех других, основным и наиболее надежным методом остается метод отправления от памятников, которые дошли до нас при документах. Современное состояние материала позволяет, однако, восполнить этот метод, признававшийся единственным, другими.

При значительном количестве материала, составившегося хотя и из случайных подъемных находок, но в условиях города с отпущенной изученной топографией, топографическое распределение находок — если оно не носит случайного единичного характера — способно в ряде случаев дать ценные наведения. Характер и роль района Ярославова Дворища, с. Рюрикова Городища, Кремля в разные периоды новгородской истории известны.

С развитием в последние годы археологических раскопок, значительных по масштабу, уже давших ряд сфрагистических находок, выдвигается новый метод освещения вопросов хронологической датировки печатей.

* * *

От древнейшего периода новгородской истории государственных печатей Новгорода неизвестно. Несомненно потому, что их и не было. До событий 30-х годов XII столетия князь в Новгороде, как и в других областях, был полновластным главою государства, не пуждавшимся ни в каких контрастированных заключениях заключаемых им договоров, издаваемых законодательных актов и проч.

Новгородская жалованная грамота в. кн. Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю, 1130 года, скреплена одною печатью, и эта печать — в. князя Мстислава (кстати, древнейший из известных великокняжеских хрисовулов). Юридическое оформление документа находится в полном соответствии с его содержанием и формулировкой: „се аз, Мстислав, Володимир сын, держа Русьску землю в свое княжение, повелел есмь сыну своему Всеволоду отдати...“ и т. д.

Но уже в документах XIII века новгородский князь фигурирует наряду с другими представителями новгородской власти, только как лицо их возглавляющее, притом скорее номинально. Договор в. кн. Александра Невского с немецкими посланцами о взаимных торговых сношениях 1262 года начинается так: „се аз князь Олександр и сын мой Димитрий, с посадником Михаилом, и с тысяцким Жирославом, и с всеми Новгородци, докончахом мир...“¹ В соответствии с этим, на документе одной печати князя уже недостаточно: княжеская печать (Ярослава Ярославича, брата Александра Невского, старшего из князей, участвовавших в походе новгородцев на Юрьев, 1262 года)

¹ Грамоты, касающиеся до сношений Сев. Зап. России с Ригой и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв. СПб., 1857, 1а.

висит здесь в числе трех, между печатями новгородского архиепископа Далмата и „всего Новгорода“.

При грамоте в. кн. Андрея Александровича, данной им в Новгороде Ганзейскому союзу, ок. 1301 года, печать князя находится между печатями посадника Семена Климовича и тысяцкого (Машка).

Печать „всего Новгорода“ находящуюся при первом из указанных документов, видимо, надо считать древнейшим известным экземпляром государственной печати Новгорода.

Характерно, что терминология печати: „всего Новгорода“ находится в полном соответствии с терминологией, употребляющейся в новгородских официальных актах в продолжение всего XIII и XIV столетий. Ею пользуются договорные грамоты новгородцев с в. кн. Тверским Ярославом Ярославичем, 1265 года („благословение от владыки, покланяние от посадника... и от тысяцкого... и от всего Новгорода“); договорная грамота с в. кн. Тверским Михаилом Ярославичем, 1295—1302 г. („на сем, князь Михаил, целуй крест к посаднику, и к тысяцкому, и ко всему Новгороду“), и все остальные 9 договорных грамот с ним; затем договорные грамоты с в. кн. Дмитрием Иоанновичем и кн. Владимиром Андреевичем, 1372 г., с в. кн. Михаилом Александровичем, 1375 г. В XV веке формула „весь Новгород“ сменится формулою „великий Новгород“.

Печать „всего Новгорода“ на документе 1262 года подвесил посадник Михаил (Федорович) или тысяцкий Жирослав, скорее первый.

К древнему типу государственных новгородских печатей относятся далее печати с надписями на обеих сторонах, сохранившиеся при актах XIV и XV веков.

На этих печатях Новгород не отделяется от представителей его государственной власти. Представителями же ее являются посадники и тысяцкие, отнюдь не князь. Новгород XIV—XV вв. представлял собою феодальную республику, наличие которых отмечает В. И. Ленин в числе разнообразных форм крепостнических средневековых государств.¹ Если власть князя в Новгороде в этот период была поныне более теоретическим, то наоборот, власть и права посадников и тысяцких были вполне реальны и тщательнейшим образом обеспечиваются в многочисленных новгородских договорах с вел. князьями.

Политическая картина находит совершенно точное подтверждение в порядке юридического оформления новгородских актов этого времени. Печать (=подпись) князя находим почти исключительно при договорах с Новгородом. Договаривались две стороны: князь и Новгород в лице его властей. И обе договаривавшиеся стороны или вместе прикладывали свои печати к двум экземплярам акта, или разменивались противными. Печать князя

¹ В. И. Ленин, О государстве Соч. т. XXIV, стр. 371.

была необходима здесь, как выражение его согласия на предлагаемые условия.

Но когда дело касалось, так сказать, внутренних новгородских дел, новгородские документы обходятся без княжеского участия и печати. Печати посадника и тысяцкого необходимы.

Печатами исключительно новгородских властей скреплены: Жалованная Новгородская грамота о взимании с сирот Терпилова погоста поралья, ок. 1411 года;¹ Жалованная грамота Троице-Сергиеву м-рю в Маковец на беспошлинный провоз, куплю и продажу товаров на Двине, 1447-54 г.;² Жалованная грамота Соловецкому м-рю на владение островами на Белом море, 1459-70 г.;³ вторая Жалованная грамота Троице-Сергиеву м-рю, 1476—77 гг.⁴

Именно в этот период Новгородская государственная печать часто совпадает и объединяется с печатью посадничьей или тысяцкого. Этот факт остался без внимания в сфрагистической литературе, интересовавшейся гл. обр. печатами, содержащими изображения.

Печати этого типа первоначально анонимны: при договорных грамотах Новгорода с в. кн. Тверским Михаилом Ярославичем четвертой (1305 г.) и девятой (1317 г.) — „новгородская печать и посадничья“. Позднее они содержат имя посадника или тысяцкого, с печатью которого объединена госуд. печать. Так, на печати б. Новгородского музея надписи: „печать новгородская — Кирилла Ондрияновича“ (1402—1410); на печати при Жалованной грамоте Новгорода Соловецкому м-рю (1459—70 г.): „печать великаго Новгорода — печать Труфана Юрьевича“.

Прежняя формула печатей „всего Новгорода“ в сфрагистике XIV и XV века, как видим, сменяется формулой „Новгородская“ или „Великого Новгорода“. Последняя точно соответствует такой же в текстах документов этого времени. „А на сем на всем, господине князь великий Борис Александрович, челуй крест ко всему великому Новгороду“ — в договорной грамоте Новгорода с в. кн. Тверским Борисом Александровичем 1426—61 г. „А судьи слати князю великому и Великому Новгороду на рубежь черес год“, — там же.⁵ Терминология приобретает устойчивый характер и применяется на протяжении всего XV столетия (см. договорные грамоты с в. кн. Литовским Свидригайлом, 1431 г.; с в. кн. Васильем Васильевичем, 1434 г.; с в. кн. Литовским Казимиром, 1440 г.; с в. кн. Васильем Васильевичем и Иоанном Васильевичем, 1456 г.; с польским королем Казимиром IV, 1470—71.; с в. кн. Иоанном Васильевичем и сыном его Иоанном Иоанновичем, 1471 г.), иногда

¹ Акты Историч., т. I, № 17, стр. 26—27.

² Акты А. Э., I, № 42, стр. 32; Сборник Грамот Коллегии Экономии, т. № 39.

³ А. А. Э., I, № 62, стр. 46—47.

⁴ А. А. Э., I, № 104, стр. 80—81.

⁵ Собрание Г. Г. и Д., т. I, № 18, стр. 23—24.

усложняясь вставкою титула „господин“ Великий Новгород, — преимущественно во внутри-новгородских документах (см. напр. Жалованную грамоту Новгорода сиротам Терпилова погоста, ок. 1411 г.; Жалов. грамоту Новгорода Троице-Сергиеву м-рю, 1447—54 г.; Жалованную грамоту Новгорода Соловецкому м-рю, 1459—70 г.) или даже „господин государь“ Великий Новгород (см. Жалов. грам. Новгорода Троице-Сергиеву м-рю 1477 г.). К концу периода самостоятельности Новгородского государства, с пол. XV века, когда правящая боярская верхушка оказалась политически вынужденной считаться и в известной мере допускать демократические элементы к участию в управлении, при документах появляются печати концов.

Наибольшее развитие новгородских государственных печатей относится к XV веку. В это время окончательно вырабатывается тип печати: с изображением на одной стороне и надписью на другой. Изображения на „печатах Великого Новгорода“ очень разнообразны: человеческие фигуры, птицы разных видов, животные реальных и геральдических форм.

Нет сомнения, что по развитости „геральдики“ новгородские печати представляют исключительное явление в древнерусской сфрагистике. Основные категории древнерусских печатей — княжеские, и в особенности архиерейские — имели определенный тип, устойчивый и мало варьиовавшийся. Относительно большее разнообразие представляли печати должностных лиц — посадников, тысяцких, — но также в Новгороде.

Геральдическая „грамотность“ новгородских печатей обратила на себя внимание одного из самых первых исследователей их А. Лакиера.¹ Но он неправильно понимал их в качестве печатей городских и неосновательно хотел в них видеть древнейший и наиболее четкий пример перехода городской печати в „неизменное знамя“, т. е. герб города. История новгородской печати и новгородского герба, как увидим, должна быть разделена.

Объяснение развитости новгородской сфрагистики XIV—XV вв. надо искать в передовом характере города. Он в свою очередь объяснялся не „особым путем“ развития Новгорода, но тем, что конкретные исторические обстоятельства — счастливое избежание татарского разорения, успешная борьба и ликвидация западной агрессии — с XIII века обусловили преимущества Новгороду в сравнении с другими русскими землями. Заморская торговля, связь с западным миром сделали его предпочтительно перед другими участниками новой „городской культуры“. Распространение в Новгороде и Пскове рационалистических „бюргерских“ ересей, появление „ренесансных“ по духу произведений монументального искусства, проникновение западных элементов в новгородскую

¹ А. Лакиер, Русская геральдика. СПб. 1855, стр. 154.

архитектуру, наличие ряда западных же культовых и светских предметов прикладного искусства, сохранных древними новгородскими ризницами—все это достаточно четко документирует характер новгородской культуры XIV—XV вв. В этот же ряд должны стать и новгородские печати, по крайней мере некоторые их типы.

В отношении специально близкой нашей теме области дипломатики небезынтересно наблюдение исследователя новгородских актов о типовых особенностях новгородского акта XIV—XV вв. в части формулирования (третье лицо) и материала (пергамент). Обе эти особенности новгородского акта резко отличаются от типа акта, существовавшего на территории удельных княжеств русского средневековья и роднят Новгород с западным миром.¹

Количество разных видов типа новгородской государственной печати с изображениями доходит до десяти. Половина их до сих пор совершенно неизвестна и публикуется впервые. Источники их происхождения—случайные находки и раскопки послереволюционных лет в Новгороде.

Необходимо прибавить, что, конечно, не может быть никакой уверенности в том, что описываемыми нами видами исчерпывается все разнообразие новгородских государственных печатей и не будут найдены новые их виды.

С другой стороны, некоторые из „известных“ видов могут называться такими очень условно. Они изданы в столь неточных рисунках от руки,² что заставляют сомневаться в правильности понимания и передачи изображения. Они могут оказаться тождественными с некоторыми видами, издаваемыми нами в фотографии. Во всяком случае, не имея возможности проверить все литографические воспроизведения по подлинникам, оставляем за собой право уточнения заключений.

1. Древнейшим образцом новгородской государственной печати является, т. о., печать, находящаяся при договоре в. кн. Александра Ярославича (Невского) с немецкими послами, 1262 г.³ При документе три печати: князя Ярослава Ярославича (брата Александра), новгородского архиепископа Далмата и „Всего Новгорода“. Последняя подвешена между княжеской и владычной. Как и те, она оттиснута дважды, в разном материале: золоте и свинце. Сколь угодно позволяет судить несовершенное литографическое воспроизведение,⁴ на одной стороне печать содержит изображение

¹ С. Н. В а л к, Древнейшие новгородские акты, Новг. Исторический Сборник, в. II, стр. 48—49.

² Рисунки печатей неточны и в Собрании Госуд. Грамот и Договоров, и в книге Лакиера, Русская Геральдика. Наибольшая искаженность передачи допущена у М. Полянского.

³ Грамоты, касающиеся до сношений Сев.-Зап. России с Ригию и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв. СПб, 1857, Ia.

⁴ Там же, табл. I.

спасителя, с благословляющею рукой и с буквою „X“ справа, на другой стороне надпись из четырех строк:

ПЕЧ|ЯТЬ.ВС(Е)|ГОНОВА|ГОРОДА

Особенностью надписи является буква „В“, вырезанная в обоих случаях в обратную сторону.¹

Других экземпляров этой печати, кроме находящихся при указанной грамоте в Рижском архиве, нам неизвестно.

Исторически вслед за печатью „всего Новгорода“ XIII века надо поставить „Новгородские печати“ XIV—XV веков, объединенные с должностными печатями посадников или тысяцких, без изображений, с надписями на обеих сторонах.

2. Наиболее ранним известным нам примером печатей этого типа являются печати при Договорных грамотах Новгорода с в. кн. Тверским Михаилом Ярославичем—четвертой, 1305 г.² и девятой, 1317 г.³ При первом документе печать подвешена вместе с печатью тысяцкого Матфея Фалеевича. При втором она висит первою из числа 11-ти печатей, скрепляющих документ, вместе с печатью того же тысяцкого Матфея Фалеевича и девятью печатями старых посадников и тысяцких.

Печать свинцовая, на лицевой стороне содержит надпись из пяти строк

НО|ВЪГО|РОЧКА|ЯПЕЧА|ТЬ

на другой—из трех строк

ИПО|САДНИ|ЧА

В 1305 г. подвешена, очевидно, степенным посадником Андреем Климовичем, в 1317 г.—Семеном Климовичем.

3. „Новгородская печать“, объединенная с печатью посадника Кирилла Андреевича, известная по фрагменту, изданному М. Полянским, принадлежавшему по его указанию Новгородскому музею.⁴ На сохранившейся части свинцовой печати с обеих сторон показаны надписи из четырех строк:

ЧАТЬНОВ|ГОРОД|ЧК|АЯ   КИР|ИЛАОНД|РЕЯНО|ВИЧА

Расположение надписей, как оно дано на рисунке Полянского, неравномерностью строк и несоответствием их краю облома

¹ В виду затруднений типографского характера, надписи печатей вместо старославянского шрифта переданы русским, с соответствующею заменою отдельных букв.

² Собрание Гос. Грам. и Догов., I, № 8, воспроизв. на стр. 11.

³ Там же, № 13, воспроизведен на стр. 17—рисунок печати воспроизведен также у Полянского, Новг. вислые печати, № 4, с тем же расположением надписей, но несколько измененным шрифтом.

⁴ М. Полянский, Новгородские вислые печати, стр. 30, рис. № 52. В настоящее время в собрании музея этой печати нет.

оставляет сомнение в точности воспроизведения. Печать должна быть отнесена к времени начала XV в.: годы посадничества Кирилла Андреевича 1402—1410.

4. При Жалованной Новгородской грамоте Соловецкому монастырю, 1459—1470 гг., в числе подвешенных восьми печатей находится „печать Великого Новгорода“, объединенная с должностною печатью тысяцкого. Она подвешена на третьем месте, после печатей архиепископа Ионы и степенного посадника Ивана Лукинича, впереди печатей концов.

Свинцовая печать эта имеет с обеих сторон надписи из четырех строк¹

(ПЕ)ЧАТ|Ь|ВЕЛИК|О|ГО|НОВ|ГО|РОД|А

ПЕЧАТЬ|(Т)РУФА|(Н)АЮРЬЕ|(В)ИЧИ

Текст грамоты не оставляет сомнений в должностном положении Труфана Юрьевича.

Из описанных печатей можно ли делать вывод, что в известный период, преимущественно XIV—нач. XV вв., не было самостоятельной печати Новгорода, что она непременно объединялась с печатью высших должностных лиц—посадников или тысяцких, притом безразлично? Для такого утверждения недостаточно материала. Осторожнее будет констатировать, что в этот период печати посадников и тысяцких часто играют ее роль, выступают в значении госуд. печати, что и подчеркивается надписью.

Большинство Новгородских государственных печатей XV в. самостоятельны, имеют надпись с одной стороны и изображение с другой.

5. Печать собрания Новгородского Исторического Музея, вислая, свинцовая, диам. 29 м/м.² Происхождение неизвестно. На одной стороне печать содержит изображение фигуры воина в рост, в своеобразном трехзубчатом шлеме и кольчужной рубахе, туго перепоясанной поясом, с копьем в правой и небольшим щитком в левой руке. На другой стороне печати надпись из четырех строк:

ПЕЧА(ТЬ)|НОВГ(О)|РОДЬЧ(К)|АЯ.

В фотографии издается впервые (Рис. 1).

Издатель этой печати, Полянский, определяет ее, как печать новгородского тысяцкого XIV века.³ Для признания печати должностною печатью тысяцкого нет оснований. Что касается времени, то нам представляется более правильным отнести печать не

¹ Н. Чаев, Северные грамоты XV в. „Летопись занятий Археографической Комиссии“, вып. XXXV, стр. 152, воспроизв.—табл. III—IV.

² Ив. № 4701.

³ М. Полянский, Новгородские вислые печати. Стр. 29, рис. № 50

к XIV, а к XV веку. За это говорят некоторые палеографические черты надписи, как буква „ч“, и титловидный навес сверху текста, сходный с таким же на печати посадника Ивана Лукинича, при грамоте 1459—70 г.

Рис. 1.

6. Печать при Договорной грамоте Новгорода с в. кн. Тверским Борисом Александровичем, вислая, свинцовая.¹ Время документа определяется только годами названного в. князя, т. е. 1426—1461 гг. Печать затрагивалась и воспроизводилась в литературе неоднократно,² но, к сожалению, в неточном рисунке от руки. Сомневаемся в правильности передачи изображения в Собрании государственных грамот и договоров; у Полянского рисунок искажен еще более. Описание печати, видимо, основывалось на этом неточном рисунке. Автор Русской геральдики, А. Лакиер, определяет изображение печати, как „геральдическое животное с лошадиною головою, а задом и ногами львиными, бегущее влево с поднятым хвостом, между головою и шеей видна веревка в виде узды“. По описанию Полянского, „изображен мифический конь, с львиным хвостом и когтями на ногах вместо копыт“. Позднее П. Л. Гусев уточняет изображение печати в качестве изображения „дикого коня“ и хочет видеть в нем смысл „эмблемы свободы“.

Приведенные описания изображения печати кажутся нам неверными. В животном следует скорее видеть несколько стилизованного барса. Обратная сторона печати не вызывает сомнений. На ней надпись из четырех строк, в пунктирном обрамлении:

ПЕЧА|ТЬ|НОВГО|РОДЬЧ|АЯ

По сторонам последней строки звездочки.

¹ Собр. Гос. Грам. и Догов., ч. I, № 18.

² СГГД, I, стр. 24; А. Лакиер, Русская Геральдика, стр. 154, табл. XII, 8 М. Полянский, Новгородские вислые печати, № 20; П. Гусев, Символы власти в Великом Новгороде, стр. 19.

7. Вместе с предыдущей печатью, у той же дог. грамоты Новгорода с в. кн. Борисом Александровичем находится вторая, которая также описывалась и воспроизводилась неоднократно¹ и также по разному. По описанию А. Лакьера, на печати „какое-то животное вроде тигра, пантеры или может быть мифическое, над ним две звездочки“. По М. Толстому, просто „животное с двумя над ним звездочками“. У Полянского „геральдическое животное с лошадиною головою и львиным хвостом“.

Воспроизводившиеся в литературе рисунки печати не позволяют доверять их соответствию оригиналу. Даже расположение надписи имеет на разных рисунках большие расхождения.²

Текст надписи состоит из четырех строк, заключенных в пунктирную рамку:

ПЕЧА|ТЬВЕЛИК|ОГОНОВА|ГОРОДА

Мы не имели возможности осмотреть оригиналов этой и предыдущей печатей. Исходя из наиболее достоверных изображений в Собрании Гос. Гр. и Дог. и у Лакьера, решаемся высказать предположение, что изображение на данной печати представляет грифона.

При раскопках А. А. Строкова 1939 года в южной части Новгородского Кремля, около Спасской башни, найдены два следующих далее экземпляра государственной печати В. Новгорода, оба вислые, свинцовые. Обе печати найдены в квадрате № 33 I сектора, в углу деревянного сруба, первая на глубине 1,10, вторая на глубине 1,15 мтр, в культурном слое XVII в.

8. Свинцовая печать, диам. 30 м/м., содержит на одной стороне изображение грифона, обращенного вправо (влево от зрителя), с поднятой передней лапой, раскрытую пастью и поднятым над спиной хвостом с кистью на конце. Изображение заключено в ободок. Низ изображения (когти лап и нижняя часть ободка) не поместился на печати.

На другой стороне печати надпись из пяти строк, так же заключенная в ободок.

ПЕЧА|ТЬВЕЛИ|КОГОВА|ГОРОДА

Особенностью надписи является пропущенный слог „но“ в слове „Новгорода“. (Рис. 2).

9. Свинцовая печать, диам. 33 м/м. Содержит изображение грифона, обращенного влево (вправо от зрителя). Грифон—с тонким вытянутым туловищем, короткими лапами (левая передняя, видимо, поднята), изогнутым параллельно спине хвостом с боль-

¹ СГД, I, стр. 24; А. Лакьер, Русская Геральдика, стр. 154, табл. XII, 9; М. Толстой, Святыни и древности Великого Новгорода, прил. V, рис. на стр. 15; Ф. Ушаков, По поводу псковских древних печатей, СПб., 1902 стр. 2, рис. без №. М. Полянский, Новгородские вислые печати, № 21.

² Ср. у Лакьера и Полянского.

шую кистью на конце. По четырем сторонам—сверху, снизу и с обоих краев—украшения из трех больших точек. Правый (от зрителя) край печати, с головою грифона и частью надписи на другой стороне сплюснен. (Рис. 3).

Надпись печати состоит из пяти строк:

(ПЕ)ЧА|ТЬВЕЛИ|К(ОГ)ОНО|ВАГОР|СОДА

Обе печати относим по времени к XV веку, скорее к первой его половине, на что дают основание их палеографические признаки (формы букв „Ч“, „А“) и сопоставление их с типом печатей при Дог. Новгородской грамоте с в. кн. Борисом Александровичем.¹

В литературе имеется упоминание еще об одной „печати Великого Новгорода“, содержащей изображение грифона. Печать подвешена к грамоте посадника и тысяцкого новгородских в Колывань (Ревель), находящейся в гос. Ревельском архиве и относящейся также к 1-й половине XV века.² Описания печати нет.

10. В числе разных новгородских печатей М. Полянским была издана печать „Великого Новгорода“, которую он называет, как печать, находящуюся „у грамоты 1476 года, дарственной от Новгорода Соловецкому монастырю“, отмечая, правда, что экземпляр печати находится и в его собрании.³ Автор сопровождает изображение геральдическим описанием. „На лицевой стороне изображен геральдический зверь, сходный с нарисованным в Спасо-Нередицком храме животным, на котором въезжает в ад блудница. Из-за зверя виднеется столб с перекладиною наверху, а по сторонам столба в него воткнуты с обеих сторон мечи“.

Позднейший автор, касавшийся печати Полянского в связи вопросом о символах власти в древнем Новгороде, определял изображение на данной печати в том же смысле, как и на печати при договоре В. Новгорода с в. кн. Борисом Александровичем, т. е. как изображение „дикого коня“—эмблемы свободы, а столб сзади „коня“, как „посох—костыль с двумя ростками, по три кругих листка на каждой ветке, т. е. процветший жезл—символ власти и угроза неповинующимся“.⁴

Несомненно, точно такие две печати имеются в собрании

¹ Во время печатания настоящей книги, в июне 1940 года, при раскопках А. А. Строкова в Новгородском Кремле, на месте ц-ви Бориса и Глеба в слое XV в. еще найдена новгородская печать с изображением грифона. Складывается убеждение, что именно этот вид госуд. новгородской печати имел наибольшее распространение и, вероятно, его будем иметь наибольшее количество экземпляров.

² Непзданные русские акты XV—XVI вв. Ревельского Гос. архива. Чтения в О-ве Ист. и Древн. Росс., 1897, кн. 2, Смесь, стр. 3 Ср. Памятники истории Вел. Новгорода и Пскова. Сборник документов. Соцэкиз, 1935, стр. 118.

³ М. Полянский, О. с., стр. 23, № 32.

⁴ П. Гусев, Символы власти в В. Новгороде, стр. 19, рис. 9.

13. Печать свищовая, вислая, собрания Новгородского Исторического Музея.¹ Диаметр 33 м/м. Найдена в 1924 г., между Троицкой и Воскресенской слободами г. Новгорода, на огороде. Изображена птица, идущая вправо (от зрителя), со сложенными крыльями. Над птицей звездочка и нечто в роде кивория или навеса на фигурных столбах (сохранился левый).

На другой стороне печати надпись из четырех строк:

(ПЕ)ЧАТЬ|(В)ЕЛИКОГО|НОВАГО|РОДА

в пунктирном обрамлении. (Рис. 7). Относим печать также к XV веку.

Приведенный материал, конечно, нет оснований считать исчерпывающим. Мы думаем, что он пополнится в будущем еще новыми типами или новыми экземплярами изданных. Они, может быть, уточнят или даже иначе осветят некоторые вопросы новгородской сфрагистики. В настоящий момент она складывается в следующую картину.

Впервые Новгородскую государственную печать („всего Новгорода“) имеем от XIII века. В это время она пользуется (если можно доверять имеющемуся воспроизведению) типом, сходным с типом некоторых княжеских печатей, с изображением спасителя.

В XIV—нач. XV вв. новгородская печать большею частью не имеет изображения. Определяется она надписями „Новгородская печать“ или „печать Великого Новгорода“. Между этими формулами различия по существу, видимо, нет. Первая, кажется, та же. В этот период государственная печать Новгорода часто объединяется с печатями высших государственных должностных лиц Новгорода—посадников и тысяцких. Считать этого рода печати просто за печати посадников или тысяцких нельзя. На различие их указывает формулировка надписи: „Новгородская печать—и посаднича“.

Наибольшее количество известных экземпляров новгородских печатей относится к XV веку, к которому надо относить и полное развитие новгородской государственной печати. В это время она совершенно обособляется от печати посадников и тысяцких. Печать имеет много разнообразных типов, вопреки представлению об устойчивости ее изображения, перешедшего будто бы потом в герб. Среди изображений печати этого времени как раз нет того, которое вошло в Новгородский герб. Чем обуславливалась смена разных типов печатей, установить пока невозможно, как невозможно уточнить по десятилетиям время употребления отдельных типов. Не исключено, что разнявшиеся типы печатей могли даже сосуществовать во времени.

Стремление ряда исследователей искать и находить в новго-

Рис. 2

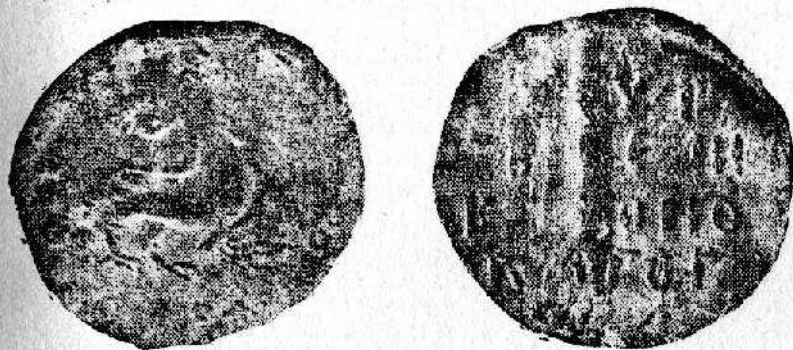

Рис. 3

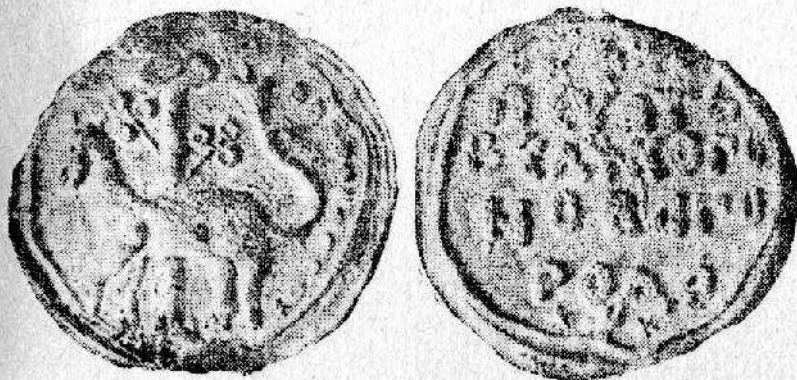

Рис. 4

¹ № 4739.

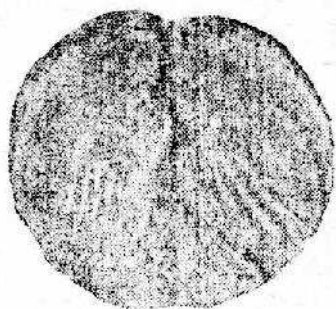

Рис. 5

Рис. 6

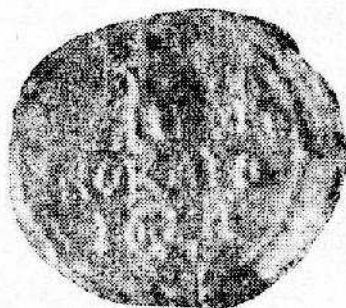
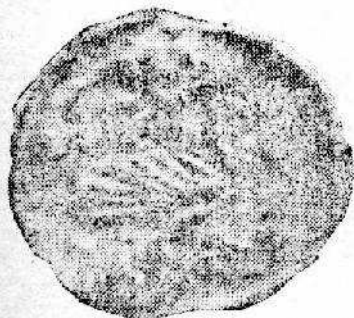

Рис. 7

родских печатях особую символику, связанную с духом „свободы“, „вольности“ города и т. п., весьма примитивно, толкования изображений субъективны и часто основаны на неверном воспроизведении памятников.

Большую геральдическую развитость и грамотность новгородских печатей периода XIV—XV вв., отличающихся тем от других областей средневековой Руси, следует ставить в связь с передовым характером Новгорода, участника городской культуры Запада, и в его государственных печатях усматривать соответствие печатям средневековых городов Европы.

История собственно-новгородской государственной печати оканчивается в 60—70-х гг. XV в., когда сначала по договору с в. кн. московским Василием Васильевичем (Яжелбицкому), 1456 г., потом по договору с в. кн. Иваном Васильевичем, 1471 г., новгородцы признали, что у их документов „печати быти князей великих“. ¹

* * *

К числу государственных новгородских печатей по типу должна быть отнесена печать с изображением так называемой „вечевой степенн“ и лежащего на ней жезла.

Этому типу новгородской печати наиболее повезло в литературе. ² Именно в ее рисунке исследователям казалось особенно заманчивым видеть „символ власти“, эмблему самостоятельности новгородской республики.

Между тем, данный тип новгородской печати является самым поздним, и ни по времени появления, ни по изображению (клейму) не связан с вечевым строем. Все имеющиеся материалы свидетельствуют о бытовании этого типа лишь с XVI века, т. е. уже в московский период.

Дата единственной печати этого типа—печати „собрания Толстого“,—относительной исследователями к XV веку, ничем не подтверждается. Кажется, имеем здесь дело с недоразумением.

У всех авторов, которые описывали и воспроизводили эту печать: ранее всего у А. Лакиера, ³ далее у М. Толстого, ⁴ затем М. Полянского ⁵ и П. Гусева, ⁶ воспроизведена, видимо, одна и та же печать, только в не совсем совпадающих рисунках от руки. На всех перечисленных рисунках печати одинаково недостает левого бока, из надписи одинаково читается полностью слово „де-

¹ А. А. Э., т. I № 58 и С. Г. Г. и Д., ч. I № 20.

² А. Лакиер. Русская геральдика, 1855, стр. 155; М. Толстой, Святини и древности В. Новгорода, 1862, прил. V, стр. 16; М. Полянский, Новгородские вислое печати, 1903, стр. 5 и др. № 23; П. Гусев, Символы власти в В. Новгороде, 1911, стр. 18; А. Арциховский, К истории Новгорода. „Историч. записки“, изд. А. Н. СССР, 2, 1938 г., стр. 130; Он же, Введение в археологию, 1940, стр. 156.

³ О. с., табл. XIV, рис. 5.

⁴ О. с., рис. на обложке и титульном листе.

⁵ О. с. табл. № 23.

⁶ О. с., рис. 7.

чать", начало слово „гос" и конец слова „ода". Как видно, все они ведут начало от первого, т. е. от рисунка, данного Лакиером. Более того, к этому же рисунку восходит и вольная реконструкция „печати древнего Новгорода", изданная в серии нагл. пособий по Истории СССР и воспроизведенная в книге В. Н. Бернадского.¹

Происхождение или местонахождение печати у двух наиболее ранних авторов не указано. Полянский, а за ним Гусев прямо называют ее „печатью собрания Толстого". Первый издатель, Лакиер, отмечая, что печать ему известна только в оттисках XVI века, лишь осторожно высказывал предположение, что она могла быть старше и современной веху. Позднейшие авторы прямо называют ее „печатью XV века".

Однако, ни „печать Толстого", ни другие пока известные нам по описаниям и в подлинниках печати этого типа, не могут быть отнесены к XV веку и ко времени самостоятельности Новгорода. В свинце этого типа Новгородской печати не знаем. „Печать Толстого", подлинник которой неизвестен, судя по воспроизведению, также не свинцовая, а восковая или мастичная. Она должна быть поставлена в ряд многочисленных восковых печатей, которыми скреплялись новгородские документы конца XVI и XVII в.

Прикладывалась она сначала Новгородскими наместниками центральной московской власти и имела соответствующую надпись: „печать наместника Великого Новгорода".

Существование печати „наместников Великого Новгорода" в конце XV века теоретически мыслимо, но экземпляров печати от этого времени не знаем.

Прямое сообщение малоизвестного „Отрывка из летописи о временах царя Ивана Васильевича Грозного" снимает необходимость гаданий, устанавливая вполне точную дату и обстоятельства появления этой печати.

„Лета 7074, сентября в 1 день, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси велел сделать печать нову в Великий Новгород: новгородским наместником печатати грамоты перемирные с Свейским королем Новугороду о перемирии, и грамоты посыльные печатати о порубежных и о всяких делах ко Свейскому королю; а на ней клеймо [:] место, а на месте посох, а у места с сторону медведь, а с другую сторону рысь; а под местом рыба, а около печати подпись: царьского величества боярина и Великого Новгорода наместника печать".²

Таким образом, печать учреждена Иваном IV в 1565 году и с веховым строем Новгорода не связана.

В XVI веке ее употребляли новгородские наместники, оттискивая на воске.

¹ В. Бернадский, Господни Великий Новгород. Учпедгиз. М. Л. 1936, стр. 66.

² Русская Историческая библиотека, издаваемая Археографич. Комиссией, т. III, СПб. 1876, ст. 266.

Именно в этой стадии новгородская печать попала на государственную большую печать Ивана IV, где она помещена на лицевой стороне, по окружности центрального изображения, в числе 13-ти (столько же на оборотной стороне) местных печатей городов, областей, земель, княжеств и царств, объединенных Московским государством.¹ Однако, как здесь, так равно и на более поздних памятниках: тарелке царя Алексея Романова,² пелене трона царей Иоанна и Петра,³ государственной московской печати конца XVII века, приведенной в дневнике Корба⁴ — изображение новгородской печати должно быть трактовано скорее как изображение новгородского герба.

В продолжение всего XVII века печать с изображением „места" посоха и рыб является печатью новгородского воеводства. Разного рода документы этого времени: обельные грамоты, выписи из писцовых книг и проч., выдававшиеся новгородскими воеводами, скреплялись „печатью Великого Новгорода, на черном воске".⁵ К сожалению, описатели документов редко дают описание печатей при них. Но там, где это описание дано, совершенно очевидно, что речь идет о печати данного типа. Так, при послушной (ввозной) грамоте новгородского воеводы В. И. Шуйского от 1593 г. в Вотскую пятину, крестьянам деревень земца Ивашки Муратова, имеется печать черного воска, на которой „изображение веховых ступеней и положенного на них архиепископского посоха...", а вокруг надпись печать господина (м. б. господарства? Н. П.) великаго Новгорода".⁶

Целый ряд новгородских документов второй половины XVII века, находящихся в Новгородском госуд. архиве УНКВД ЛО, фонд б. Новг. Духова монастыря, скреплены этого типа печатью: наказные памяти губным старостам об освобождении Крутецкого

¹ Государственная большая печать при трактатах между Россией и Швецией, 1583 и 1584 гг. Снимки с древних русских печатей государственных, царских областных, городских, присутственных мест и частных лиц. Изд. Комиссии печатания Гос. Грамот и Договоров. Вып. I. М. 1880, табл. 18. Ср. Лакиер, Русская геральдика, тбл. XV, рис. 6; Толстой, Святыни и древности В. Н., рис. на Фронтисписе; Полянский, Новгородские вислые печати, рис. № 61.

² Изображение печати Новг. наместника, что имеется на металлич. печати Ивана IV, встречаем затем на красновосковой большой гос. печати Лжедмитрия I. Собр. Гос. Грам. и Догов. II, стр. 228.

³ Древности Росс. гос-ва, М. 1831, отд. V. № 42, Лакиер, Русская геральдика, СПб. 1855, тбл. XV, 3. Опись Московской Оружейной Палаты, часть 2, кн. I. М. 1881, стр. 16 (тарелка № 510), рис. на тбл. 174.

⁴ Древности Росс. гос-ва, отд. IV, стр. 113—114, рис. отд. 2, № 78—83. Лакиер, О. с. тбл. XV, 7.

⁵ Лакиер, О. с., тбл. XVII; Иоанн Георг Корб. Дневник путешествия в Московию, СПб. 1906, гравюра перед 1-й страницей.

⁶ М. Г. Курдюмов, Описание актов, хранящихся в архиве Археографической Комиссии (Акты Новг. Каз. Палаты). „Летопись занятий А. К.", в. XIX, 1908; Описание актов, хранящихся в Археографической Комиссии А. Н. СССР

„Летопись занятий А. К.", в. XXXV, стр. 257 и др.

⁷ М. Г. Курдюмов, О. с., стр. 9.

м-ря от податей и подвод, выданные новгородскими воеводами Ромодановским, Пронским, Шереметевым, Урусовым, Одоевским, Прозоровским, № 9 (от 1667 г.), № 13 (от 1671 г.), № 14 (от 1673 г.), № 15 (от 1677 г.), № 17 (от 1680 г.), № 29 (от 1692 г.). Печати эти черного воска, диаметром ок. 3 см. Вокруг изображения надпись: „печать господарства великого новграда“.¹

Печать эта в официальной терминологии продолжала называться „новгородскою государственною печатью“, или просто „новгородскою“. Формулировка перечисленных документов: „к сей памяти... Новгородского государства печать боярин и воевода князь Юрий Михайлович Одоевский приложил“.

К ней относилось разъяснение центрального московского правительства новгородскому воеводе о случаях применения печати.²

В настоящей печати, как выше указано, исследователи по преимуществу усматривали эмблему новгородской самостоятельности. „Жезл, положенный на ступени, на „вечевую степень“... имел особое значение. Такое сочетание символизировало аристократическую республику и употреблялось как ее печать и позднее как герб Новгорода“.³ Историческая эволюция эмблемы рисовалась следующим образом. „В XVII веке герб изменили, что имело явно политическое демонстративное значение... осталась общая композиция, но вечевую степень заменили тронем, а посадничий жезл скипетром. Герб получил, таким образом, прямо противоположное значение“.⁴

Применить эту стройную концепцию к новгородской печати не позволяют новые факты. Новгородский герб, как он был окончательно узаконен в XVIII веке,⁵ не имел отношения к печатям новгородской вечевой республики, но по существу повторил „клеймо“ печати новгородского наместничества.

* * *

В очерке „новгородских“ печатей необходимо упомянуть еще одну печать „великого Новгорода“. Имеем в виду печать для отписков, медную, с изображением сидящей фигуры, двумя маленькими фигурками перед ней, растительными орнаментами по сторонам и разбросанной по фону надписью „Велики Новъгородъ“.

¹ В архиве Л. О. И. И. имеются также новгородские документы, скрепленные этою печатью, охватывающие период времени от 40-х годов до самого конца XVII в.: Выпись из отводных книг Оболенской пятини, выданная воеводою Морозовым, 1644 г. (Фонд Новг. Каз. Палаты, III, № 137); Наказ, выданный воеводою Опраксыным, 1699 г. (Фонд А.—Свирского м., карт. № 8) и др.

² Дворцовые разряды. Том. I, СПб. 1850, столб. 812—814.

³ А. В. Арциховский, К истории Новгорода. „Историч. Записки“, 2, 1938 г., стр. 130; ср. его же, Введение в археологию. М., 1940, стр. 156.

⁴ Там же.

⁵ Полное собрание Законов Российской империи, том XXI (1781—1783), 1830, стр. 221—222.

Печать, находившаяся в Госуд. Древлехранилище М. Арх. М. И. Д., известна давно и накопила о себе небольшую литературу.¹

Первый издатель печати Лакнер, за ним Толстой и Полянский объяснили сидящую фигуру, как изображение Марфы Посадницы. Орешников предположительно высказался за эмблематическое изображение самого Великого Новгорода. Датую печати все принимали XV век.

Преувеличенное внимание к лицу Марфы Посадницы и неумеренное связывание с нею самых разнообразных памятников истории Новгорода характерно для авторов XIX столетия. В данном случае оно должно быть исключено. Но, кажется, нет надобности прибегать и к натянутому предположению о эмблеме Новгорода в женской фигуре печати.

Частные печати с изображением „персон человеческих“ в XVII веке были обычны.² Среди многочисленных печатей должностных и частных лиц с изображением „эмблематических фигур и атрибутов— по справедливому выражению издателя печатей—до бесконечности разнообразных“,³ найдем близкие аналогии данной. Мотив сидящей женской фигуры в крупном масштабе и стоящих перед нею маленьких фигурок в разных позах, в том числе на коленях; мотив ветвей по сторонам фигуры; надписи, разбросанные по фону—имеются на ряде печатей.

Особенно показательными для определения типа нашей следует считать печати: IX, № 16—воеводы кн. Андрея Федоровича Звенигородского, под оброчною памятью Стенцицкому целовальнику (1615 г.); XI, № 92—воеводы Василия Алексеевича Аргамакова, под данною памятью Енисейского острога служилому человеку Ивашке Федорову (1629 г.); XVI, № 228—думного дворянина и воеводы Афанасия Ивановича Нестерова под памятью 1671 г.; XIX, № 315—стольника и воеводы Дмитрия Ивановича Лихарева, под владенною памятью 1696 г. (изображение, повидимому, сцены „суда Соломона“).

На основании приведенных аналогий вернее перенести настоящую печать из XV века в XVII. Возможно, что это печать кого-либо из новгородских воевод.

¹ А. Лакнер, Русская геральдика, СПб. 1855, стр. 155, тбл. XVI; Mémoires de la Société d'archéol. de S. Petersburg, p. 365; М. Толстой, Святыни и древности В. Новгорода, 1862, прил. V, стр. 16; Ф. Родзевич, О русской сфрагистике. В. А. и И., в. VI, 1886, стр. 219; Русские монеты до 1547 г. изд. Ист. Музея, М., стр. 7; М. Полянский, Новгородские вислые печати, стр. 22, рис. 30; А. Орешников, Материалы к русской сфрагистике. М. 1903, стр. 7, рис. 3. У Лакнера, Толстого и Полянского неточные воспроизведения печати по рисунку от руки, с оттиска; у Орешникова автотипическое воспроизведение самой печати.

² Ср. И. Сахаров, „Зап. Арх. О-ва“, т. III, стр. 67 и др.

³ П. Иванов, Сборник снимков с древних печатей. М. 1858, стр. III.